

DOI: 10.17976/jpps/2018.01.06

КРИЗИС ИСТОРИИ. МИР КАК НЕЗАВЕРШЕННЫЙ ПРОЕКТ

А.И. Неклесса

НЕКЛЕССА Александр Иванович, зав. Лабораторией геоэкономических исследований (Лаборатория “Север-Юг”) института Африки РАН, председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета “История мировой культуры” при Президиуме РАН. Для связи с автором: neklessa@intelros.ru

Неклесса А.И. Кризис истории. Мир как незавершенный проект. – Полис. Политические исследования. 2018. № 1. С. 80-95. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.06>

Статья поступила в редакцию: 09.03.2017. Принята к печати: 05.10.2017

Аннотация. Мир переживает кризис перехода, который на данном этапе стимулируется двумя факторами – следствиями *tour de force* цивилизации: реальностью глобального массового общества, получившего доступ к достижениям современной цивилизации, а также революцией элит как класса и как личностей. Трансформируется система международных отношений, перераспределяются и делегируются суверенитеты, расширяется номенклатура внешнеполитических организмов. Национальное государство утрачивает былую исключительность, в интернациональном космосе сосуществуют также иные форматы политической организации: межгосударственные и надгосударственные структуры, страны-системы, различного рода субсидиарные автономии и сепаратистские образования; государства-корпорации и корпорации-государства, государства-организации с подвижными границами, геоэкономические интегрии, влиятельные антропо-социальные сообщества – власть вне государственности, обновляющие систему мировых связей. Растут дисперсность мироустройства и трансграничная мобильность, мировой рынок обретает черты особого миропорядка, усложняется элитный зонтик как регулятор власти. Генеральный тренд исторического процесса – движение от индустриально-информационного пейзажа к холмистому ландшафту креативного общества. Обновляется инструментарий цивилизации, императивом века оказывается не наличие традиционных ресурсов, но технологическое и антропологическое продвижение. Камертон повестки: сложный человек в сложном мире – акцент переносится на венчурные личностные коалиции вместо безличных бюрократизированных учреждений. Институты и правила играют меньшую роль. В мире утверждается в качестве доминанты влиятельный персонаж – *manterpriser*, человек-предприятие. Россия фактически состязается сегодня не с США, Европой или Китаем, а с обобщенным “Илоном Маском”. Время оказывается базовым стратегическим ресурсом, начинает доминировать над сжимающимся (эффект развития физических / виртуальных коммуникаций) пространством. Движение замещает пространственную организацию как доминанта социальной гравитации и суть нового неравновесного строя.

Ключевые слова: будущее; цивилизация; мироустройство; трансформация; творчество; воинское искусство; прогнозирование; сложность; преадаптация; постсовременность.

Больнее всего нам тосковать о будущем.
Сёрен Кьеркегор

Мир сложнее представлений о нем, многое является иным, чем представляется – это презумпция жизни над идеей. XXI век рождает уходящие в неизвестность конструкции и сценарии, упрощение которых чревато синкопами

и коллизиями. Успех планирования связан не только с оптимальностью избранного маршрута, но также с акаузальным и ценностным статусом генеральной цели. Тут приходит на ум одно высказывание Андрея Колмогорова: “Не ищите там теорем. Их нет. Я ничего не умею выводить из исходных для этой теории уравнений Навье-Стокса. Мои результаты об их решениях не доказаны, а верны — что гораздо важнее всех доказательств” [цит. по: Арнольд 2005: 5]¹, — хотя на сегодняшний день это звучит, пожалуй, чересчур экзотично.

Человеческий ум способен преодолевать инерцию мышления, шаблоны сознания, искусственность “сжатого рассуждения”, вскрывая неоднозначность того, что кажется простым и очевидным, постигая комплексный характер реальности, физической и социальной. Решение алогичной задачи подобно искусству подстригания английского газона, совмещенному с эксцентричностью природы: оно требует не только синтеза профессионального опыта и персонального мастерства, но также — искренности в промышленности оснований и готовности к приговору. И, конечно, при переусложнении система склонна сбрасывать избыточные нагрузки, накопленные излишки и откровенный балласт, тяготея к инсайтам и взрывным решениям.

Прежняя система пытается репрессивно контролировать, порою прямо подавлять самоорганизующуюся критичность, сжимать рассуждение, упрощать ситуацию, скрывая “подлинный динамизм мира” [Mann 1992]. И когда, поддавшись давлению стереотипов, образ новизны (т.е. *действительного* положения вещей) уплощается, позволяя обращаться с собой как с тривиальностью, эманации постижения рассеиваются, координаты иного ломаются, а трансформация привычных лекал в новое качество прерывается. Прошлое же, оказавшись активным агентом усеченных перемен, восстанавливает утраченный было статус, становясь “халифом на час”.

Интеллектуальное и моральное банкротство влекут поражение. Жизненно важно вовремя опознать актуальную повестку, отличив ее от ложной. Неопознанная реальность последовательно отторгает утратившие обоснованность институты и протоколы. В гонках истории в конечном счете побеждает не суетящаяся Алиса, следующая советам Королевы “бежать еще быстрее”, но... черепаха, если, в отличие от стремительного Ахилла, она двигалась в правильно выбранном направлении.

БУДУЩЕЕ КАК ПРЕДЧУВСТВИЕ

Стоит только попристальнее взглядеться в настоящее,
будущее вдруг выступит само собою.
Николай Гоголь

Проблематика, которой я по преимуществу занимаюсь, — это будущее в широком смысле. Но мыслить будущее не значит пассивно представлять более-менее отдаленные по времени картины жизни; приходится, скорее, размышлять о сложной партитуре перемен, различая кротовые норы истории и отмечая ее особые контрапункты. Активное представление будущего — своего рода извилистая дорожная карта опознания теоретических проблем и решения практических задач, возникающих при прохождении исторических

¹ Ср. это рассуждение А. Колмогорова с методологической экзотикой Рамануджана Сриниваса.

развилок. Иначе говоря, занимающийся прогнозированием “футуролог” — это человек, который пристально вглядывается в настоящее.

Для творческого ума будущее — не хронометраж истории и не апгрейд событий, но пришествие в мир иного. Стратегическое планирование существенно отличается от оперативного: доминанта первого — контекст, результативность второго — текст. Тактические и стратегические цели порою противоречат друг другу, рефери тут — горизонт планирования. Будущее не есть продолжение прошлого; соприкасаясь с настоящим и отрицая прошлое, оно проращивает множество экзотичных семян. Как результат — с привычным порядком вещей происходят метаморфозы, конструктивные и деструктивные.

Жизнь — процесс, предполагающий, но не гарантирующий нечаянную встречу: соприкосновение с иным, перманентную модификацию, повышение ставок. Ускорения и неопределенности, запутанность социального времени обращают будущие ландшафты в кипучий Клондайк, перспективную нишу, где невоплощенная до времени явь обретает земных протагонистов, стимулируя потенциал и реализуя превосходство венчурных персонажей над сложившимися организациями и обстоятельствами. Ситуация напоминает былое состязание небольших подвижных особей с медлительными гигантами... Критические условия, сталкивая разноформатные структуры/принципы организации, ускоряют время и повышают риски. Трансформация мира нелинейна по природе и драматична по содержанию — по сути это не продвижение куда-то, а напряженное, несбалансированное изменение чего-то, взаимодействие с хаосом, мутация, преобразование. При этом “все разумное действительно” расширяется до “невероятное возможно”.

82 Есть, однако, психологическая проблема. Будучи асимметричным и скачкообразным, преодолевая инволюции и рекурентности, процесс перемен реализуется не обязательно в жесткой хронологической последовательности — по крайней мере, не для всей планеты и популяции. Футур-история способна расщепляться на автономные локусы и разновекторные маршруты. Хроники глобального сообщества имеют пространственное выражение, мир не без химеричности: Амазония и Кремниевая долина расположены на одной планете. Причем со-бытие разнородных социальных организмов в едином хронотопе, расширяя спектр коллизий / рисков / возможностей, стимулирует не только коэволюционные инстинкты, продуктивные резонансы, технологическое развитие, но также цивилизационную коррупцию. Прошлое может быть не менее переменчивым и наступательным, при определенных обстоятельствах оно может подавить, затопить иллюзиями формирующийся ландшафт — нам приходится осмысливать новизну, пребывая в атмосфере ветхих эманаций, формулируя концепты по сделанным при других обстоятельствах лекалам. Тут могут возникать серьезные aberrации: предполагая созидать будущее, можно вопреки намерениям отстраивать очередную версию былого...

Мы учимся не для того, чтобы помнить и знать, но чтобы понимать и действовать. Рассуждения об архитектуре будущего — в рамках разговора о переменах — лет двадцать-тридцать тому были в России практической озадаченностью. Сейчас ситуация изменилась. Что же касается существующей “мировой системы”, ее предельный рубеж — грядущая сингулярность: новый формат личности и среды обитания (антропо-социогенеза), предопределенные усложнением взаимодействий, их диверсификацией, дополненным статусом реальности.

СОЗИДАНИЕ БУДУЩЕГО

Наш век уже не является обычной революционной эпохой;
мы вступаем в новую фазу метаморфоз истории.
Мир на пороге трансформации более драматичной
по своим историческим и человеческим последствиям,
чем даже те, которые были порождены
французской или большевистской революциями.
Збигнев Бжезинский

Мир и Россия переживают кризис перехода, который на данном этапе стимулируется двумя факторами: во-первых, реальностью глобального массового общества, получившего доступ к достижениям современной цивилизации, а во-вторых, революцией элит как класса и как личностей.

Это эпохальный перелом. мироустройство, сложившееся в эпоху Модернити, существенно меняется. Трансформируется система международных отношений, перераспределяются и делегируются суверенитеты, расширяется номенклатура внешнеполитических организмов, появляются новые факторы/агенты ре- и деконструкции, чаще проявляется результативная субъектность играющих по своим правилам слабоформализованных персонажей. Национальное государство утрачивает былую исключительность, сужается его возможность властного управления человеческими траекториями, сохраняя вместе с тем качества и блага суверенного правового сообщества.

В интернациональном космосе наряду с национальной государственностью соприсутствуют, появляются и состязаются иные форматы актуальной политической организации: межгосударственные и надгосударственные структуры как мировые регулирующие органы; страны-системы как федерации и конфедерации, союзы и содружества; квазисуверенные государства, различного рода субсидиарные автономии и сепаратистские образования; государства-корпорации и корпорации-государства по своему трансформирующие/профанирующие национальный / гражданский суверенитет; пластичные государства-организации и симбиотические ассоциации с подвижными границами; экономические интегрии; влиятельные антропо-социальные сообщества – власть вне государственности: динамичные архипелаги, конституирующие *de facto* новый тип политорганов и обновляющие систему мировых связей.

Растут дисперсность мироустройства и трансграничная мобильность, мировой рынок обретает черты особого, геοэкономического миропорядка, усложняется элитный зонтик как регулятор власти. Время и подвижное многолюдие растворяют пространство, отрицая нормы его организации, изменяя систему мироустроительных координат. Происходит интенсификация новизны, освоение иного уровня сложности процедур, когда скорость изменений сама по себе становится существенным фактором. Генеральный тренд – движение от систематизированного индустриально-информационного пейзажа к холмистому ландшафту креативного общества.

Императивом века оказывается не наличие традиционных ресурсов, но технологическое и антропологическое продвижение, экономики ранжируются скорее в соответствии с индексом их сложности, а не в категориях ВВП

и подобных нейтрально-количественных индикаторов состояния. Экономика высокого уровня, находящаяся на пике конкурентной пирамиды, *субъектная экономика*, определяется прежде всего качественными характеристиками, а не усредненно-количественными показателями. Она доминирует в производстве/экспорте высокотехнологичной продукции, чревата инновациями, открывающими/закрывающими технологиями, мультипликативными эффектами, включая социальные. Это продукт сообщества с заметно иным аттрактором, мира, адаптированного к сложноорганизованной деятельности, обладающего актуализированным человеческим, интеллектуальным, культурным капиталом, впечатляющим технологическим, профессиональным разнообразием, диверсифицированным личным и социальным творчеством, соответствующей инфраструктурой.

Все же не экономика сама по себе есть главная цель развития. Экономика — манифестация конструктивной энергии общества (а в своей трофейной ипостаси — и деструктивной). Оставаясь инструментом, она отражает принцип, а также уровень власти над природой и житейскими обстоятельствами; между тем в нынешних ее метаморфозах виден генеральный вектор перемен — ключевая роль нематериальных активов, особенно человеческих и культурных.

Экономическое развитие — составная часть культурной революции. Транзит от индустриализма *Модернити* к нелинейной действительности происходит на наших глазах. Обновляется инструментарий цивилизации, прежние технологии, физические и социальные, пробуксовывают как не вполне отвечающие действительности, происходит смещение прогресса с сугубо научно-технического вектора *via* информационная волна на социо-антропологический. Камертон актуальной повестки: сложный человек в сложном мире — акцент переносится на венчурные личностные коалиции вместо безличных бюрократизированных организаций и на творческие, нейрофизиологические потенциалы плюс нелинейный образ реальности.

Сегодня мы наблюдаем, наверно, апогей массового общества — его глобальную манифестацию: трансформацию в подвижную совокупность индивидов, получивших прямой доступ к эффективным инструментам, включая высокотехнологичные, и потому влиятельную (“весна политического пробуждения”). Параллельно разворачивается революция элит, пришествие личностного общества, сочетающего все более экзотичные деятельные сообщества управленцев и креаторов. Институты и правила играют меньшую роль. В мире утверждается в качестве доминанты влиятельный персонаж — *manterpriser*, человек-предприятие, в числе оных Илон Маск², энигматичный “Сатоши

² Примером нынешних возможностей воздействия частных корпораций на социальную и техническую среду обитания может служить космическая корпорация *SpaceX* (*Space Exploration Technologies Corp.*), принадлежащая Илону Маску. В ноябре 2016 г. она подала заявку в Федеральную комиссию по связи США на создание орбитальной спутниковой сети для глобальной цифровой коммуникации. Компания собирается запустить 4 425 спутников, инвестировав совместно с *Alphabet's Google Inc* и *Fidelity Investments* не менее 10 млрд долл. В результате реализации проекта, полагают в *SpaceX*, жители Земли смогут пользоваться беспроводным спутниковым интернетом на скорости до одного гигабита в секунду. “Эта система предназначена для предоставления широкого спектра услуг широкополосной связи и коммуникаций для индивидуальных, коммерческих, институциональных, правительственных и профессиональных пользователей во всем мире”, — говорится в представленной документации. Аналогичные спутниковые интернет-сети находятся в стадии разработки частной *OneWeb* и *Boeing Co.* См. *SpaceX Seeks U.S. Approval for Internet-Via-Satellite Network.* — *Reuters.* 17.11.2016. URL: <http://uk.reuters.com/article/us-space-spacex-idUKKBN13C085> (accessed 20.11.2017).

Накамото”, Шелдон Адельсон, Уоррен Баффет, Майкл Блумберг, Амансио Ортега Гаона, Ма Юнь, Ли Кашин, Мукеш Амбани, Азим Премжи, Карлос Слим, Джефф Безос, Ричард Брэнсон, Джон Полсон, Ларри Пейдж, Сергей Брин, Билл Гейтс, Марк Цукерберг и им подобные. Россия фактически состязается сегодня не с США, Европой или Китаем, а с обобщенным “Илоном Маском”, но, кажется, это не вполне очевидно.

Что такое победа Дональда Трампа? Это пример персонализации нелинейной новизны, возможностей прямого надпартийного действия влиятельных персонажей, технологической перезагрузки, внимания к потенциалу сложных систем, социополитической и стилистической революции (хорошо темперированная версия “американской весны”), яркий и резкий симптом актуальных перемен – в данном случае реинституализации и кризиса политического истеблишмента США в том виде, в каком он существовал.

Brexit – аналогичное, по сути, знамение социального транзита, кризиса архитектоники и бюрократической машины, но уже Европейского союза. Каталония, равно как и Шотландия – примеры кризиса прежнего формата государственности в условиях глобализированной политической вселенной.

В других геокультурных анклавах и ареалах реализуются собственные трансформации и адаптации к изменению порядка. Китай, находясь на “перекрестке развития”, также ощутил ветер перемен и по-своему осознает императивы новой эпохи. Нынешнее руководство продекларировало программу построения “гармоничного, креативного общества с высокими доходами” [China 2030... 2012], взяв курс на “великое обновление китайского народа” (Си Цзиньпин). КНР постепенно выдвигается и во внешний мир, обустривает транспортно-логистические/ресурсные плацдармы в Африке, формирует Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) в Евразии. ШОС – организация, служащая, судя по всему, также инструментом программы внешних инвестиций (как трансгрессия фазы торговой экспансии) для реализации в первую очередь китайских инфраструктурных проектов. В последнее время – для обустройства “Экономического пояса нового Великого Шелкового пути”, его железнодорожных артерий, уже соединивших страну с 18 европейскими странами, транзитных порталов, мультимодальных логистических центров. А параллельно – стратегически важных континентальных трубопроводов (китайцы по понятным причинам с недоверием относятся к морским маршрутам снабжения). Но сегодня Китай задумывается и о серьезном преобразовании систем управления, о формате власти и стратегии обновления в существенно усложнившейся, меняющейся реальности.

В конце 2015 г. медиагруппой *Caixin*, близкой к руководству КНР, была опубликована примечательная статья “Реформа структуры, реформирующей систему, является самой важной” о трех уровнях реформирования: технологическом, системном и структурном (интересно, что именно в Китае об этом зашла речь). Суть примерно такова. Настоящее реформирование, имеющее основной целью результативную адаптацию к непростому, быстро меняющемуся миру – это не модернизация инструментов и технологий, и даже не перемены в правилах игры. Прежде всего – это изменение генеральной структуры, которая осуществляет управление, т.е. трансформация власти, иницилирующей, проектирующей и воплощающей реформы как мишени

и рычага транзита. Китайцы осознают значение перемен в практике, реализовав работающую систему смены высшего руководства. При этом они экономны/инерционны и не особо стремятся создавать чрезмерно оригинальный продукт или радикально “менять лыжню”, предпочитая брать на рынке идей, проектов, технологий то, что представляется в данный момент необходимым и наиболее эффективным (хотя и это может измениться).

Выбранный на глобальном рынке продукт затем переосмысливается и адаптируется под национальную специфику: раньше это был марксистский протокол, сегодня Пекин по-своему присматривается к американскому опыту, т.е. к гибкой и сбалансированной структуре власти, созданной отцами-основателями США³.

ОПЕРАЦИИ С БУДУЩИМ

Мировой дух творит историю, пользуясь частными интересами.
Георг Вильгельм Фридрих Гегель

Новизна обладает серьезными конкурентными преимуществами, которые нередко осложнены дестабилизацией с высоким уровнем риска. Рынок версий будущего, предлагая маршруты, оперирует расчетами и предположениями, но содержание категорий шире текущих представлений.

Для прогнозирования действий в ситуации неопределенности важно различать признаки становления иного, отыскивая зерна перспективных обстоятельств и отраслей, прорастающие в современности. Секрет прозорливости, таким образом, — в нынешнем узреть настоящее, которое есть будущее в шелухе прошлого. Востребованной оказывается способность опознавать в ранге Нового света дискретно распределенный, неочевидный и неосвоенный ландшафт, что напоминает уникальную компетенцию Вия, способного в мире живых видеть недоступное рядовым призракам. Однако сложности прогностики этим не ограничиваются.

Факт выше суждения, тенденция же выше факта: умение выделять из обыденного перспективное необходимо для воплощения запланированного, однако зазор между мыслительной венчурностью и подвижной действительностью — гнездо иллюзий и клубок проблем. Интервенции иного в повседневность сопровождаются аномалиями, усложняя логику решений и обременяя логистику “предприятия на полном ходу” (Герберт Уэллс), отлаживая и совершенствуя при этом алгоритмы продвижения и защиты. Не случайно возможная реальность обладает особой коннотацией с привкусом неожиданности, фазового перехода — *грядущее*; мы существуем в расщелине между перепрочтениями настоящего настоящего.

³ Вот ключевая на данную тему сентенция из статьи: “Структурная трансформация системы является первоочередной задачей. Если имеется превосходная структурная организация системного уровня, хорошая система будет произведена. А хорошая система будет порождать передовые технологии. Я думаю, именно поэтому Вашингтон, Джефферсон, Франклин и другие отцы-основатели Соединенных Штатов почитались последующими поколениями. Они создали превосходную структуру для системы”. См. The Founding Fathers of the United States Created a Superior Structure for the System. 2015. — *Caixin*. URL: <http://chinascopel.com/main/content/view/full/7640/106/> (accessed 12.12.2017). Вне темы по ассоциации вспоминаются мысли Ниялла Фергюсона о модели Chimerica. См. Ferguson N. 2008. Team “Chimerica”. — *The Washington Post*. 17.11.

Невзирая на сопутствующие риски, искусство распоряжения будущим имеет долгую историю. Банки не одно столетие занимаются процентной и долговой колонизацией будущего, а финансовые корпорации продолжают экспериментировать с производными финансовыми инструментами, эксплуатируя время как пространство возможностей и вероятностей. Риски неизвестности, между тем, это не только обременение. При грамотном управлении они — практически неистощимый ресурс: страховые предприятия давно освоили мастерство конвертации неприятных сюрпризов в прибыль и теперь тестируют венчурные методы управления ими. А развитие технической/технологической мускулатуры и масштабы социального транзита побуждают размышлять о дигитализации времени (как цифрового реестра) и комплексном страховании национальных, региональных или глобальных рисков.

Операции с будущим присущи, конечно, не только инвестиционной, банковской или страховой деятельности. Сегодня речь фактически идет о системной организации перемен в соответствии с той или иной прописью политического обустройства, социальной семантикой, культурными и инфраструктурными стандартами, образом жизни, характером потребления, условиями капиталовложений и кредитования. При освоении зыбких земель реализуются стратегии, которые воспроизводят, развивают и распространяют вовне заложенные в той или иной культуре содержание, ценности и целеполагание. Модель саморазвития и экспансии культурно-исторического типа — это системное распространение его ключевых концептов и практик, испытанных временем предпочтений и шаблонов, политических, экономических, культурных алгоритмов, “золотых легенд” и утопий, конкурирующих подобно дизайнерским пакетам глобальных корпораций. Причем прописанные в современной политике персонажи соперничают в полифоничном социокосмосе как с фрагментами полузабытых, забытых, неопознанных культур, так и с новыми субъектами, что заметно усложняет эмерджентную картографию цивилизации.

Борьба за будущее, расширение среды обитания культурно-исторического генома — своего рода поступательное “терраформирование” (футур-формирование), т.е. своеобразный франчайзинг будущего: экспансия (включая семантическую) культурного оверсайта, капитализирующего сумму протекций, взаимосвязей и других отношений (см. рис.). Пакетный подход к активному освоению социальных ландшафтов усложняет и развивает футур-дизайн, воплощаемый в конкурентном поле полит-форматов и бизнес-протоколов. Делегируя при этом региональному мастер-франчайзи матрицы клонирования с определенными привилегиями и оговорками. Зарождающиеся культуры также корректируют вселенские траектории, воспроизводя свои оригинальные механизмы, конвертируя собственные совокупности льгот и ограничений в преимущества и возможности иных ареалов, т.е. по-своему франшизируя мир.

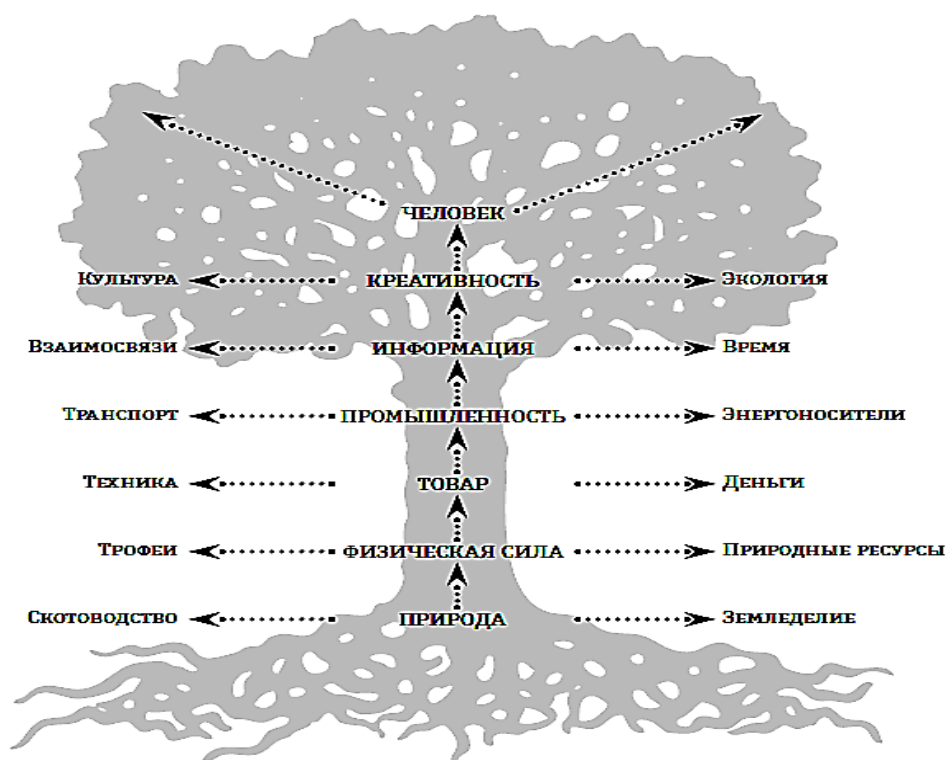
Будущее проектируется в местах, где сплетены нервы мира, транслирующие перенастройку земных судеб. Оттуда инновационная инфлюэнца распространяется по планете, обретается партнерами, соучаствующими в производстве, но не иницирующими его; потребителями, которые усваивают прописанную им версию; и, наконец, соприкасается с теми, кого история вытесняет на пепелище, отчуждая от будущего. Агентство *2thinknow*

Orbis terrarum регулярно публикует рейтинг (*global index*) инновационного потенциала городов планеты (оцениваемого с позиций инновационной экономики), подразделяя их на пять классов: *сплетения* (*nexus*), *хабы* (*hub*), *узлы* (*nod*), *продвинутые* (*advanced*), *стартапы* (*upstarter*). В сущности это классификация городов по степени их проникновения в грядущее и обратного влияния на мир. Последний по времени индекс (2016-2017) так представляет десятку лидеров – источников маршрутов и лекал будущего: Лондон, Нью-Йорк, Токио, Сан-Франциско – Сан-Хосе, Бостон, Лос-Анжелес, Сингапур, Торонто, Париж, Вена⁴.

Рисунок (Figure)

Геном истории (схема развития базовых/стратегических ресурсов общества)
The History Genome (Development of the Basic/Strategic Resources of Society)

Сталкиваясь с конкуренцией умело аранжированных композиций, спонтанное проникновение в будущее становится все более затруднительным. Время оказывается базовым стратегическим ресурсом, начинает перераспределяться, овеществляться, доминировать над сжимающимся (эффект развития физических/виртуальных коммуникаций) пространством, повышая свой социальный вес и обретая сложную геометрию.

⁴ Innovation Cities™ Index 2016-2017: Global. URL: <http://www.innovation-cities.com/innovation-cities-index-2016-2017-global/9774> (accessed 20.11.2017).

ВОЙНА, КОТОРАЯ НЕ-ВОЙНА

Война стала роскошью, которую могут себе позволить лишь малые нации.
Ханна Арендт

Системы разной степени сложности подчиняются несовпадающим законам, политическая, экономическая, военная теория и практика индустриального толка сейчас активно корректируются. В черновиках повседневности прописываются строки, весьма отличные от классических прописей, рождаются нетривиальные комбинации событий, структуры повседневности предстают в непривычном виде.

Взглянем, к примеру, на логику внешней политики Вашингтона, развивавшейся в русле доктрины Обамы. Америка вплотную приблизилась к базовой ресурсной независимости, определяемой энергоресурсами (по крайней мере, в рамках континента), что стимулировало снижение военно-полицейской активности. Особенно когда та или иная заморская ситуация не представляет непосредственной угрозы национальной безопасности США. 44-й американский президент на первое место в списке угроз ставил универсальную климатическую проблему, другие нестроения в экологии, затем в этом реестре шли терроризм / джихадизм / ИГИЛ, а также КНДР вкупе с иными азиатско-тихоокеанскими нестроениями и озадаченностью будущностью Китая. Сирия же, Ирак, Афганистан, Украина расценивались скорее как избыточные обременения, военного вовлечения в которые Белый дом хотел бы избежать, резко сокращая численность уже вовлеченных войск и отходя от практики интервенций⁵. В результате, несмотря на разрастание списка горячих точек, финансирование военных за годы президентства Барака Обамы сократилось примерно на 100 млрд долл., что, конечно, создавало свои проблемы.

Впечатляет нынешняя популярность китайских исторических и военных трактатов, в которых постулируется, что воевать на поле боя — дело неудачников в политике и стратегии, а сугубо милитаристское целеполагание, связанное с обретением территориального контроля, рассматривается как обуза, выкачивающая ресурсы и ограничивающая свободу действий. Происходит переосмысление оккупации как социокультурной реконструкции и как результат — уклонение от физического овладения территорией и прямого боевого столкновения. Примером территориально-властного мышления стала Крымская операция, спланированная и реализованная в геополитических категориях, в то время как международно-правовая, геоэкономическая, геокультурная проблематика, другие отложенные следствия остались на периферии внимания, осложняя каждый последующий шаг. Клаузевиц, кстати, хорошо понимал, что в войне речь идет, главным образом, о радикальной

⁵ Ferguson N. Barack Obama's Revolution in Foreign Policy. — *The Atlantic*. 13.03.2016. URL: <http://www.theatlantic.com/international/archive/2016/03/obama-doctrine-revolution/473481> (accessed 20.11.2017). Вспомним драматичное, нарушавшее американскую политическую прописку решение Барака Обамы (30 августа 2013 г.) не предпринимать военных действий против режима Асада после газовых атак в Гуте, несмотря на продекларированную президентом США годом ранее “красную линию”. См. Goldberg J. 2016. The Obama Doctrine. — *The Atlantic*. 2016. April. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2016/04/the-obama-doctrine/471525> (accessed 20.11.2017).

кризисной реконструкции, в своей основе это проецирование воли, имеющее целью установление иного порядка.

Состояние мира между тем порождает нарастающие сомнения: имеет ли перспективу политика универсальной пассивации? Что если 70 с лишним послевоенных лет окажутся – при всех коллизиях, включая холодную войну, – своеобразной большой паузой, антрактом перед очередным зигзагом истории? Действительно, в последнее время военная тема обретает второе дыхание, только ее характеристики претерпевают заметную модификацию.

По своей сути война – проекция принуждения, подчинения или сопротивления – т.е. действие по радикальной трансформации существующих обстоятельств – посредством радикальных средств, несущих дезорганизацию, деструкцию, смерть. Это разрушительное усилие, сумма действий, решительно опровергающих сложившийся политический консенсус, радикальный аспект нападения, борьбы и защиты, институализация агрессии и обороны. Однако военная машина – это мощь, способная воздействовать на обстоятельства, не только извергая огонь и железо, но и отбрасывая влиятельную тень. В постсовременной среде меняется сам язык войны, растет значение мастерства в создании ситуаций “превосходящих возможности анализа, прогнозирования, выработки правильных решений и их реализации противником”⁶. Стремление к нанесению разрушений и потерь замещается захватом стратегической инициативы, фрустрацией противника, его моральным сокрушением, организацией замешательства в круге лиц принимающих решения, подавлением воли и подведением к принятию критически неверных решений.

90

Война является искусством, сопряженным с широким спектром возможностей и рисков. Нынешнее умножение возможностей создает пугающее разнообразие рисков, модифицируя и усложняя характер войсковых, иррегулярных и небоевых военных операций. Об усложнении композиций военного искусства свидетельствует развитие профессионального языка. В военную теорию проникают такие понятия, как “проактивность”, “неопределенность”, “комплексность”. Речь идет об активной разведке будущего, тенденциях его поступательного контроля и деятельного освоения. Анализируются отдаленные и гипотетичные обстоятельства, выявляются мутации и аномалии, определяются пути преадаптации, средства купирования кризисов, которые еще не произошли. Сценарная проработка конфликтов в стилистике многозначности сопровождается превентивными акциями по искоренению опознанных угроз на стадии зачатия. Еще одна актуальная категория – презмтивность, корень слова – “пустота”, т.е. имеется в виду заполнение релевантных ниш, которые противник не видит [подробнее см. Неклесса, Ютанов 2016: 46-57].

Внимание уделяется опережающим разработкам, адаптации технологий, перетекающих в военную сферу из гражданской, включая информационные и высокие гуманитарные технологии – *high hume*, преобразуя полученные знания в технические, организационные и методологические преимущества.

⁶ *Win in a Complex World. The US Army Operating Concept 2020-2040*. URL: <https://www.ousa.org/sites/default/files/DR-15-1-The-Army-Operating-Concept-2020-2040-Winning-in-a-Complex-World.pdf> (accessed 20.11.2017).

К процессу привлекаются различного рода частные предприятия, интеллектуальные корпорации, венчурные организмы, опознаются и апробируются средства господства, выходящие за рамки привычных боевых регламентов. Расширился диапазон пространств боестолкновений: к ареалам суши, моря, воздуха, космоса добавилось киберпространство, в процессе становления — социопсихологический домен. В числе направлений противоборства наряду с военным числятся дипломатическое, информационное, экономическое, технологическое (*DIMET*).

В сложившемся глобальном контексте технические средства решают задачи как цифрового обеспечения вооруженных сил (*distributed common ground systems*), так и универсального контроля над возникающими обстоятельствами и предполагаемыми ситуациями (*open source indicators*). Воплощается система распределенного множества “цифровых крепостей”: сообщества механизмов и технологий, формирующих перманентно обновляемые, обрабатываемые посредством нейросетей массивы данных, а также гибридных систем (дополненный интеллект), объединяющих возможности машины и человека. Горизонт процесса — универсальная транспарентность: глобальный физический мониторинг (*planetary skin*) вкуче с программированием взаимопроникающих виртуальных пространств (*pervasive computing*) — совокупность, лежащая в основе контроля над текущими событиями и активного представления будущего.

Работа интеллектуальных (активно-адаптивных) навигационных структур сопрягается с геопропространственной разведкой (*geospatial intelligence*) способной к широкому охвату целей и непрерывному их отслеживанию. Система включает совокупность информационных структур (*global information grids*), обеспечивающих комплексное наблюдение за почвой, атмосферой, промышленными выбросами, электропотреблением, геологическими и климатическими процессами, инженерными, технологическими, финансовыми, социальными, антропологическими ситуациями при помощи спутниковых и наземных систем наблюдения, включая данные радиочастотных идентификаторов и наноразмерных датчиков.

Еще один пункт актуальной повестки, влияющий на характер силовых акций и состояние гражданского мира — экспансия трансграничного терроризма, использующего преимущества распределенной организации и сетевого “управления дикостью” (*undernet⁷*), а также высокоадаптивные технологии (ингияз etc.), что повышает жизнеспособность, устойчивость (*sustainability*) феномена и его эволюционные возможности.

При всем том тему истишхади или ингимаси как антропологического оружия вряд ли следует рассматривать в качестве исключительно исламистского явления, корни феномена глубже, а перспективы шире. Помимо неопределенной субъектности и прокси-конструкций это может быть, к примеру, атомизированный суицидальный терроризм, не имеющий прямого отношения ни к одной из идеологических или конфессиональных доктрин, либо лишь поверхностно с ними связанный, будучи симптомом универсальной

⁷ Физические контактные цепочки и социальные каналы, напоминающие отчасти перемещение информации по типу “сарафанного радио” или перемещения денег в системе *hawala*. Ср. также заключительные кадры фильма “Андерграунд” Эмира Кустурицы.

актуализации культуры смерти⁸. Джихадизм, вероятно, инициирует более опасные формы агрессии по отношению к современному обществу и цивилизации, колонизируя земли, где конфессиональные либо социальные мотивы замещаются психологической доминантой, т.е. психологическая мотивация оказывается важнее конфессиональной или политической.

Происходит искажение, деформация среды, уязвимой оказывается сама концептуалистика открытого общества, его суверенность, архитектура, весь обширный инструментарий современности. Расширение военной/паравоенной проблематики предполагает изменение взгляда на войну как централизованно планируемое и управляемое действие, указывает на важность различения тенденций социализации и персонализации, жертвенности и ярости, насилия и усилия, воплощаемых действием, словом, мыслью.

Феноменология активного действия, включая военные и паравоенные практики, преобразуется и переосмысливается. Дело не просто в распространении иррегулярного, дисперсного формата военных операций, комплексный мир интегрирует то, что ранее было дисциплинарно рассечено: война, экономика, культура, индивидуальное развитие и групповое взаимодействие сливаются в единый наднациональный континуум. Война обретает более широкий, нежели милитарный смысл, причем процесс можно толковать двояко: как силовую экспансию, т.е. широкое и устойчивое использование гражданских практик в качестве оружия (своего рода “небоевые военные операции”); или же как специфическую пасификацию, при которой военные действия, растворяясь в гражданских практиках, по-своему ослабляются и гуманизируются. Проблема скорее в проецируемой позиции и удержании либо утрате морального императива.

92

ПЕРМАНЕНТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Ощущение возможной реальности следует ставить выше ощущения реальных возможностей.

Роберт Музиль

Глобальная трансформация, стартовавшая на исходе прошлого века, радикальным образом обновляет механизмы современной цивилизации: редактирует секулярные прописи Просвещения, меняет социополитические регламенты Модернити, переписывает реестры востребованных временем компетенций.

---

⁸ “‘Культура смерти’ распространяется под действием мощных культурных, экономических и политических тенденций, отражающих определенную концепцию общества, где важнейшим критерием является успех. Рассматривая положение дел с этой точки зрения, можно, собственно говоря, назвать его войной сильных против бессильных; жизнь, требующая как можно больше доброты, любви и заботы, объявляется ненужной или рассматривается как невыносимое бремя и в конце концов так или иначе отвергается. Тот, кто своей болезнью, инвалидностью или просто самим фактом своего существования угрожает благоденствию либо жизненным привычкам более благополучных, оказывается врагом, от которого надо защищаться или которого надо уничтожить. Таким образом, возникает ‘заговор против жизни’. Он не только втягивает отдельных людей в рамках их личных, семейных и общественных отношений, но идет гораздо дальше, обретает глобальный размах, расшатывая и разрушая отношения между народами и государствами”. См. Иоанн Павел II. 1995. *Evangelium Vitae. Окружное послание о ценности и нерушимости человеческой жизни*. URL: <http://www.fjp2.com/ru/john-paul-ii/online-library/encyclicals/126-evangelium-vitae> (accessed 12.12.2017).

Будущее – не “завтра”, а “иное”. Это универсальный аттрактор с максимальной притягательной силой. Кризис перехода пробуждает эволюционные стимулы и предъявляет эпохе открытый динамичный горизонт. Планирование – причем не только маршрутизация больших организмов на дальнюю дистанцию – становится гибким искусством, связанным с формированием многослойного неравновесного общества, пронизанного подвижными личностными молекулами и мутирующими социогенетическими цепочками: полицентричной среды с непростой суммой аномалий, возможностей, рисков. И в то же время – все более сложной обучающей игрой, сопряженной с опознанием реальности, ее скрытых закономерностей (*ludus complexus*). Целостность (гештальт) оказывается результатом изменчивого консенсуса взаимодействий, извилистого, но непрерывного продвижения к цели, ее постепенного охвата и постижения⁹.

Перемены в ментальности инициируются в числе прочих резонансов конкуренцией исторических и цивилизационных платформ, ведущей к смещению осей мировидения и смущению сознания (ср. “ген чужеродного вида”). Развитие как становление иной, более совершенной реальности концентрированно проявляется в культурных и антропологических результатах. Если “будущее уже здесь, просто оно неравномерно распределено” (Уильям Гибсон), то люди в персональном статусе сегодня мигрируют – физически и виртуально – из обитателей количественного индустриализма в неосуществленный до времени мир, где категория количества утрачивает былое значение, уступая первенство качеству среды и уникальности личности, что является одновременно и триггером, и критерием перемен (т.е. преобразование особей влечет эволюцию сообщества).

Примерный аналог данной ситуации – генетическая мутация в биологическом организме, когда на кромке перехода единичное событие как немотивированная закономерность в принципе способно преобразить и преобразовать систему. Социальный аналог данного алгоритма – формирование в теле политорганизма иного сообщества: контробщества, обладающего интеллектуальным и моральным превосходством, сопряженным с исторической амбицией. Дело, по-видимому, вот в чем: социосистема, будучи сложна по самой своей антропологической природе, как любой био(социо)ценоз чревата взрывчатыми фазовыми переходами. Стратегирование в подобной среде не монологично и нормативно, но с неизбежностью диалогично и диалектично, причем с привкусом негативной диалектики. Реформы, чтобы выдержать испытание будущим, предполагают острый и полифоничный диспут-диалог, ведущийся при деятельном участии критического класса.

Успехи в развитии, являясь проникновением в неизведанные земли, сопряжены с прочтением актуального текста и пониманием контекста, наличием концептуальной разведки, механизмов самоорганизации и адаптивности, капитализацией неявного знания, вариабельностью сценариев, а не просто с целеполаганием, управлением и контролем. К тому же возможности контроля ограничены не только качественными характеристиками контролируемого объекта, но и количественными. Речь, естественно, идет не только о хорошо освоенных методах и технологиях.

⁹ “Вдали от равновесия когерентность поведения молекул в огромной степени возрастает. В равновесии молекула ‘видит’ только своих непосредственных соседей и ‘общается’ только с ними. Вдали же от равновесия каждая часть системы ‘видит’ всю систему целиком. Можно сказать, что в равновесии материя слепа, а вне равновесия прозревает” [Пригожин 1991: 46-57].

Мы все чаще оперируем понятием “сложность”, но как бы не возникла абберация в восприятии данной категории. Сложная антропологическая система — это не запутанный блужданиями в дурной бесконечности лабиринт и не свалка неразрешенных проблем и событий, а весьма специфичная динамическая организация, управляемая за счет познания/признания непростых, неочевидных, алогичных закономерностей бытия. Ее отличительные свойства: фактор неопределенности, видовое разнообразие (закон Эшби), способность к обильному производству разноречивой информации, перманентному транзиту, самоусложнению и самоорганизации (протейную природу подобных структур недавно зримо продемонстрировали эксперименты с плазмой в космосе). Если сложность и предстает перед нами как хаос, то это беременный хаос, в подвижных очертаниях которого присутствует иной, нежели ранее известный порядок. Со времен Луи де Бройля, Гейзенберга, Шредингера, а затем Эдварда Лоренца, Ильи Пригожина, Бенуа Мандельбро проблематика неопределенности и сложности, самоорганизации и запутанных связей стала одним из генеральных направлений исследований. Правда, возникает вопрос о соотношении реалити и метафор.

Будущее некоторым образом со-существует с настоящим и прошлым, выплескиваясь в наш мир из подспудных либо небесных глубин. Сегодня мы живем в потоке галолирующих перемен, перманентно изменяющихся конструкций — эпигенеза с возрастанием аномальных ставок, даже не бифуркаций, а полифуркаций, представляем же транзит как тот самый апгрейд: движение по согласованному маршруту из пункта А в некий конечный пункт Б. Иначе говоря, пребываем в ожидании результирующей стабильности, мыслимой на практике как статичность, т.е. в своих представлениях и предпочтениях склоняемся к карнавализации застоя. Примерно так в СССР и представляли коммунизм, хотя сам Маркс все же определял его иначе: не как состояние, а как “действительное движение, которое уничтожает теперешнее состояние”¹⁰.

Движение замещает пространственную организацию в качестве доминанты социальной гравитации и динамической сути нового неравновесного порядка. Время все чаще стимулирует относиться к сложившимся обстоятельствам как транзитной категории.

Арнольд В.И. 2005. *Динамика, статистика и проективная геометрия полей Галуа*. М.: МЦНМО. 72 с.

Маркс К., Энгельс Ф. 1955. *Сочинения*. Т. 3. М.: Государственное издательство политической литературы. 630 с.

---

¹⁰ “Коммунизм для нас не состояние, которое должно быть установлено, не идеал, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом действительное движение, которое уничтожает теперешнее состояние” [Маркс, Энгельс 1955: 34]. Марксизм в СССР декларировали и представляли весьма превратно. Например, под видом марксистского постулата бытовало воспевание труда (“человек труда”, “владыкой мира будет труд” и т.п.) при ясно сформулированном отношении основоположника (в той же цитированной выше “Немецкой идеологии”) к данному предмету: “...коммунистическая революция <...> устраняет труд” [там же: 70]. Причем Маркс пояснял, что дело тут именно не в “освобождении труда”, а в освобождении человека от труда: “Труд уже стал свободным во всех цивилизованных странах; дело теперь не в том, чтобы освободить труд, а в том, чтобы этот свободный труд уничтожить” [там же: 192]. “Если коммунизм хочет уничтожить как заботу бюргера, так и нужду пролетария, он ведь не сможет, само собой разумеется, сделать это, не уничтожив причину той или другой, т.е. не уничтожив труд” [там же: 207]. Релевантная же теме футурология Маркса, его прозорливость, касавшаяся будущей проблематики (“отмирание государства”, “отчуждение человека”, “свободное время как пространство человеческого развития и мерило богатства”), заметно превосходила не только качество экономических штудий, но и релевантность марксовской политической доктрины.

Некlessа А.И., Ютанов Н.Ю. 2016. Война в сложном мире. Деструкция и порядок. — *Стратегия России*. № 10. С. 35-50.

Пригожин И. 1991. Философия нестабильности. — *Вопросы философии*. № 6. С. 46-57.

China 2030: Building a Modern, Harmonious and Creative Society. 2012. The World Bank. 473 p.

Mann S. 1992. Chaos Theory and Strategic Thought. — *Parameters*. Vol. 22. No. 3. P. 54.

DOI: [10.17976/jpps/2018.01.06](https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.06)

THE CRISES OF HISTORY. THE WORLD AS AN UNFINISHED PROJECT

A.I. Neklessa¹

¹*Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia*

NEKLESSA Aleksandr Ivanovich, Head of the Commission on Socio-Cultural Issues of Globalization, member of the Bureau of the Academic Council "History of the World Culture" at the Presidium of the Russian Academy of Sciences, Head of the "North-South" Laboratory, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences. Email: neklessa@intelros.ru

Neklessa A.I. The Crises of History. The World as an Unfinished Project. — *Polis. Political Studies*. 2018. No. 1. P. 80-95. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.06>

Received: 09.03.2017. Accepted: 05.10.2017

Abstract. The world is going through a transition crisis, which at this stage is stimulated by two factors — the consequences of the tour de force of civilization: the reality of a global mass society that has access to the achievements of the modern civilization, and secondly, the revolution of elites as a class and as individuals. The system of international relations is undergoing transformation, the sovereignties are redistributed and delegated, the nomenclature of foreign political organisms is expanding. The national state loses its former exclusiveness; other forms of political organization also compete in the international cosmos: interstate and supranational structures, system-countries, various kinds of subsidiarity autonomies and separatist formations; state-corporations and corporations-states, state-organizations with mobile borders, geo-economic integrations, influential anthropo-social communities — power outside statehood, that are renewing the system of world ties. The dispersity of the world order and cross-border mobility are growing, the world market is acquiring features of a special world order, the elite umbrella becomes more complicated as a regulator of power. The general trend of the historical process is the movement from the industrial and information landscape to the hilly landscape of the creative society. The toolkit of civilization is being updated, the imperative of the century is not the availability of traditional resources, but technological and anthropological advancement. The tuning fork: a complicated man in a complex world — the emphasis is shifted to venture personal coalitions instead of impersonal bureaucratic institutions. Institutions and rules play a smaller role. In the world, an influential character, man-terpriser, man-enterprise, is established as a dominant. Russia, in fact, competes today not with the US, Europe or China, but with a generalized "Elon Musk". Time turns out to be the basic strategic resource, it begins to dominate the shrinking (the effect of the development of physical / virtual communications) space. Movement replaces spatial organization as the dominant of social gravity and the essence of a new non-equilibrium system.

Keywords: future; civilization; world system; transformation; creativity; warcraft; forecasting; complexity; preadaptation; post-modernity.

References

Arnol'd V.I. *Dinamika, statistika i proektivnaya geometriya polei Galua* [Dynamics, Statistics and Projective Geometry of Galois fields]. Moscow: MTsNMO. 2005. 72 p. (In Russ.)

China 2030: Building a Modern, Harmonious and Creative Society. The World Bank. 2012. 473 p.

Mann S. Chaos Theory and Strategic Thought. — *Parameters*. 1992. Vol. 22. No. 3. P. 54.

Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Collected Works]. Vol. 3. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury. 1955. 630 p. (In Russ.)

Neklessa A.I., Yutanov N.Yu. War in a Complex World. Destruction and Order. — *Strategiya Rossii*. 2016. No. 10. P. 35-50. (In Russ.)

Prigogine I. The Philosophy of Instability. — *Voprosy filosofii*. 1991. No. 6. P. 46-57. (In Russ.)